

Я жила с ним две недели и один день.

На это следовало рассчитывать, если учесть обстоятельства. Я не знала, а может быть никогда и не хотела знать о себе больше, но чувствовала, что скоро умру.

Точнее, через две недели, как говорил тот врач. Но мне был подарен еще один день, чтобы жить. Почему? Этого я тоже не знала и не хотела знать вовсе.

В любом случае именно в тот день я решила попросить его кое о чем.

***В переулках всегда было мокро. От слюны, крови, спермы, слез, рвоты, экскрементов, дешевого виски, пролитого из разбитых бутылок, и прочей мерзкой жижи, сливаемой сюда с главных улиц. Из-за этого на загаженных задворках постоянно стояла сырость.

Той ночью, прижавшись щекой к склизкой мостовой, я старалась выровнять дыхание. Из носа шла кровь, стекая на землю, и от этого воздух будто бы становился еще более мерзким.

Одно время я думала, что расстанусь с жизнью до того, как утром взойдет солнце, и совершенно не жалела об этом. Умереть никому не известной в богом забытом переулке — не самый худший вариант закончить жизнь. По крайней мере, он был более естественный, чем те, которые я могла себе представить.

Я закрыла глаза.

Может быть, задремала ненадолго или из-за тумана в голове потеряла счет времени, точно не знаю, но когда мое сознание окутала тьма, я услышала голос, буквально выдернувший меня обратно в реальность.

— Эй, юная леди. Ты не простудишься, если и дальше будешь тут лежать?

Я невольно вздрогнула. Даже лучший сценарий смерти — насколько его вообще можно назвать «лучшим», — и того меня лишили, хах.

Ресницы стали такими тяжелыми, будто налились свинцом. Когда мне, наконец, удалось приоткрыть глаза, я увидела мужское лицо. Это лицо, с повязкой на левом глазу, мне незнакомо. А таких следует опасаться. Но могло быть гораздо хуже, знай я его — это предвещало бы одни страдания. Лучше уж так.

Существовал только один человек, кому я могла доверять. Единственный в целом мире. Это был не он, а значит, оставалось одно — сопротивляться.

Что, даже сейчас, в таком состоянии?

Происходящее скорее смахивало на комедию, чем на трагическую сцену, но я согнула руки, которые болели так, словно с них сдирали кожу, и попыталась отползти в сторону. Тело будто наполненный грязной водой мешок — такое тяжелое. Я корчилась на земле, стараясь убраться от этого мужчины как можно дальше, даже если это были жалкие дюймы.

— Да брось. Не нужно так напрягаться. Уж не знаю, что с тобой случилось, но все нормально. Кусаться не буду, — голос мужчины тоже был каким-то влажным, как и эти переулки.

Мои усилия оказались бесполезны: десять дюймов, что я с огромным трудом преодолела через сильнейшую боль, ему хватило всего на полшага. С таким разбитым телом мне не сбежать.

Вскинутый подбородок и преисполненный злобы взгляд — вот и все, чем я могла защищаться. Только теперь я разглядела этого типа как следует.

Длинные, светлые, почти пепельные волосы собраны в хвост. Сквозь пряди, свисающие на лицо, пробивается лунный свет. «Красивые» — первое, что пришло на ум. Только вот эта красота мне не поможет.

— Я хочу сказать, что есть проблемка. Если я позволю тебе помереть здесь, это плохо скажется на бизнесе. Видишь ли, ты валяешься прямо перед входом в мой магазин.

В вечерних сумерках трудно было сказать, затаилась ли злоба в мелькнувшей на лице улыбке. Пока я соображала, его правая рука обвила меня под коленями.

— Ай!.. — я смогла только взвизгнуть, когда меня подняли на руки как старый бесполезный мешок.

Пытаясь вырваться, я вцепилась ему в шею, царапая кожу до крови, почти черной в слабом свете луны.

Это должно было быть больно, но он и бровью не повел, продолжая тянуть свою улыбочку, будто ничего и не произошло.

— Что ты собрался со мной делать? — спросила я, стараясь взглядом прожечь его насквозь.

Он округлил глаза, удивившись вопросу, а затем опять улыбнулся.

— Ооо, а голосок-то у тебя далеко не милый.

— Отвечай.

Медленным, но уверенным шагом он куда-то направился, не выпуская меня из рук.

— Не нужно пытаться выставить меня более жестоким, чем я есть на самом деле. Меня зовут Уорик. А тебя?

— Что тебе надо ?

Мужчина, назвавшийся Уориком, вздохнул.

— Ну, для начала я хочу убрать тебя от входа в мой магазин.

— Ты уже унес достаточно далеко. Отпусти меня.

— Не могу же я просто подбросить тебя на порог чужого дома. Кроме того, юная леди, у тебя и вправду очаровательный голосок. Я хочу еще немного поболтать с тобой.

Его мотивация была вне моего понимания. Если бы он хотел убить меня, то давно бы уже это сделал. Может быть, от Семьи поступил приказ взять меня живой? Если так, то странно, что он не потрудился удержать меня, когда я стала сопротивляться. Или что не затолкал в машину. Даже не стал угрожать оружием. Что за бред происходит?

Я абсолютно не разбиралась в этих мафиозных играх. Никогда раньше не попадала в такие ситуации. Но в то же время точно было одно: недопустимо проявлять слабость.

Сглотнув накопившуюся слюну, я тут же испугалась, что сделала это слишком громко, и он услышал. Нужно было что-то сказать.

— Ладно. Давай тогда показывай свой магазин.

Не попасть обратно в лапы Семьи было моей приоритетной задачей. Если этот мужчина будет один, от него я еще смогу как-нибудь ускользнуть.

Только немного передохну, и мое тело сможет нормально двигаться хотя бы секунд пять, то это сработает.

Он шел, не останавливаясь, и пристально разглядывал меня сверху вниз. В лунном свете было видно, что на его губах играла беззаботная улыбка.

— Ну, разумеется. Но только после свидания.

Признаю, несколько секунд я изумленно таращилась на странное выражение его лица. А затем обмякла, но лишь потому, что мои силы совсем истощились.

Я решила дать себе расслабиться на пару минут. Часть моих сил скоро вернется, и тогда попытаюсь вырваться.

В этот момент веки стали вдруг нестерпимо тяжелыми, и я сомкнула их, чувствуя, как приходит сонливость. Нет, нельзя, перестань — внутренне я все еще пыталась сопротивляться. А в итоге просто выключилась на руках столь подозрительного типа. Оставалось только проклинать себя за такую беспечность.

В наступившей тьме все, что я ощущала, это тепло рук и его запах. От него пахло женскими духами. Множеством женских духов. Эти ароматы перемешались на его теле, пропитали кожу. Странно, но эта приятная смесь вызывала одну лишь грусть.

Все глубже погружаясь в пучины мрачного сна, я кое-что вспомнила. Когда Уорик улыбался, он смотрел вовсе не на меня. А на металлический жетон на моей шее.

***Мне ничего не снилось.

Я пришла в себя на простенькой, чистой кровати, застеленной белоснежной простыней. Утреннее солнце, которое я уже не надеялась снова увидеть, светило в окно, а на улице слышалось щебетание птиц.

На удивление, чувствовала я себя хорошо. Даже поразительно. Голова, правда, еще пульсировала режущей, скрипучей болью, но когда я попыталась поднять руку, она послушалась. Ноги тоже могли двигаться. Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Если так пойдет, мое тело протянет еще две недели. Такое было предчувствие.

Меня ничто не удерживало. В комнате стояли в ряд другие кровати, но поблизости не было ни души. Сначала мелькнула мысль, что это отличная возможность сбежать, а следом меня осенило: это место никак не связано с Семьей, на которую я была вынуждена работать когда-то. Они бы точно не позаботились о чистых простынях для таких как я. В этом смысле трудно представить себе более безопасное место.

Так ничего и не предприняв и не решив, как поступить, я просто уставилась в потолок.

Спустя долгое время внизу на лестнице, расположенной в дальнем углу комнаты, раздались голоса. Они были тихими, но я прекрасно их слышала.

— Действительно ничего нельзя сделать? — голос принадлежал тому мужчине, Уорику.

— Ничего. Я обнаружил у нее все симптомы, которые проявляются при частых передозировках Церебре. Внешне по ней не скажешь, но ее органы существенно повреждены, — этот низкий, спокойный мужской голос был незнакомым.

— Я понял. Спасибо тебе, как всегда.

— В следующий раз приводи кого-нибудь менее похожего на труп.

— Но она еще жива.

— Перефразирую: кого-нибудь, у кого есть хотя бы пол шанса не откинуться.

— Хм. Окей. Так и сделаю.

На этом разговор был окончен. Один из мужчин — сложно сказать, кто именно — вздохнул, а второй стал подниматься сюда.

Я сжала жетон на груди. По всем правилам я не человек. С точки зрения закона, такие как я — подвид человеческой расы, который все же отличается от Нормальных. Сумеречные, так они нас называют.

Шаги приближались, и я закрыла глаза. Кто-то поднялся по лестнице, прошел по комнате и остановился возле кровати. По запаху стало ясно, что это Уорик. Он не пытался заговорить, и, не выдержав, я перестала притворяться.

— Я разбудил тебя? — та же самая вчерашняя беззаботная улыбка.

Я кивнула.

— Что это за место?

— Больница. Заправляет ей один великовозрастный ворчун по имени Тео, хотя сам едва концы с концами сводит. Но он не из тех старичков, что начинают завидовать, если привести сюда хорошенькую девушку.

— По-твоему, я похожа на девушку?

Я спросила не из кокетства. Когда я смотрелась в зеркало, той, что отражалась в нем было самое меньшее лет тридцать.

Уорик слегка склонил голову набок.

— У тебя голос как у юной девушки. А выглядишь ты так, словно едва ступила на порог взросления.

Мои губы растянулись в ироничной усмешке. Внешность обманчива и не всегда соответствует тому, что внутри — это он хотел донести.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо. Даже странно.

— Рад это слышать. Тогда пошли. Я добыл для тебя особое разрешение от дока.

— «Пошли»? Куда это?

— В мой офис. Я же вчера обещал тебе показать его, помнишь?

Теперь я стала припоминать, что мы действительно говорили вчера о чем-то подобном.

Я оперлась правой рукой о кровать и начала подниматься. Уорик хотел было помочь, но я проигнорировала его порыв и спустила ноги. Однако при попытке встать голову пронзила острая боль, заставив меня вскрикнуть. Тело непроизвольно согнулось пополам, и я обхватила себя руками, уже приготовившись рухнуть на пол, когда Уорик поймал меня. Я снова была в его руках, прямо как накануне. Это навело на мысли, что задумка с побегом лишь казалась легко осуществимой.

— Ты немного устала, юная леди. Тебе не следует так себя перенапрягать, иначе будешь долго поправляться..

Несмотря на то что со мной стало я улыбнулась, по-настоящему.

— Лжец.

— Э... Почему?

— Я проснулась до того, как ты пришел.

Таких же бракованных, вроде меня, много — всем известно, что с физическими способностями Сумеречных не все в порядке. Подслушивание разговора на лестнице по большому счету не имело значения.

Уорик стал медленно бродить по комнате, не ответив. А когда заговорил, его голос был мягким, словно густой суп, который шеф-повар несколько часов томил на огне.

— Как тебя зовут, юная леди?

— Мое имя?

— Ага, ты вчера так и не позволила узнать его.

Я не стала спрашивать зачем ему это. Вся информация обо мне, включая имя, выгравирована на металлическом жетоне на моей шее, достаточно взглянуть на самую первую строчку.

Прежде, чем ответить, я вздохнула, потянув время.

— София.

Мое имя. Это было одной — а точнее, единственной — вещью, которая принадлежала мне по-настоящему, если не считать плохо слушающегося тела, и боли, основательно засевшей в голове.

— Приятно познакомиться, София, — отозвался Уорик.

Это было похоже на трагедию, в которой финальный акт преисполнен тихого спокойствия в ожидании неминуемо горестного конца. Словно умирающая бродячая собака, нашедшая своего хозяина перед самой смертью, этим утром я начала жить вместе с ним.

***Мне особо нечего рассказать о тех двух неделях, проведенных рядом с ним. На самом деле, я почти не вставала с небольшой кровати в спальне, поэтому даже не могла четко представить себе размер конторки Уорика. Он был достаточно любезен, чтобы готовить для меня пасту, но головная боль усиливалась с каждым днем, и я не могла по достоинству оценить ее.

В этом же офисе жил еще один человек по имени Николас. Темноволосый мужчина азиатского происхождения с глазами дикого зверя. Он был невысокого роста, но его накачанное тело ассоциировалось у меня с искусно вытесанной из скалы скульптурой, олицетворяющей воина. Уорик обращался к нему не иначе как «Ник» или «партнер».

С первой встречи я почувствовала, что Николас не был Нормальным. Птиц отличают по оперению, в случае же Николаса вовсе не обязательно увидеть металлический жетон на шее, чтобы понять, кто он. По-видимому, я не вызвала у него интереса, так что мы ни разу не перекинулись даже парой слов.

Часто Уорик куда-то отлучался, а по возвращении от него так и веяло женскими духами. Как ни пыталась, я не могла заставить себя привыкнуть к этому запаху, и это единственное, что мне не нравилось.

Если вкратце, то мой последний день можно было бы описать так: «в последние часы своей жалкой жизни Софии предоставили тихую спаленку, где она счастливо погрузилась в спокойный, вечный сон».

Если в этом описании что-то и упущено, то только упоминание об одной просьбе, которую я озвучила на пятнадцатый день. В день моей смерти.

***Из подслушанных разговоров я сделала вывод, что Уорик и Николас зарабатывают на жизнь разнорабочими, мастерами на все руки.

Но в том, как они говорили, была одна странность. Слышался только голос Уорика, а Николас молчал. Но не было похоже, чтобы Уорик говорил сам с собой или что-то рассказывал. Скорее, беседа походила на телефонный разговор, когда ты слышишь только одного человека и знаешь, что идет диалог.

В любом случае, они точно работали уже около недели до того, как я попала сюда, и с тех пор я все обдумывала свою просьбу.

Я умирала, а ведь раньше даже не могла мечтать о тихой, спокойной смерти.

Я была не настолько жадной, чтобы требовать чего-то еще, но, похоже, жадность не знает границ, а аппетит и в самом деле приходит во время еды.

Когда мое сердце успокаивалось и обретало покой, одна рана продолжала терзать меня. Я хотела, чтобы ее вылечили.

Уорик пришел с тарелкой жидкого супа в руках и присел возле кровати. «Ааам», — он поднес ложку к моим губам. Я попыталась открыть рот, но не смогла нормально проглотить, и суп заструился по подбородку. Сделав еще один глоток, я тряхнула головой.

— Послушай, Уорик, — то ли сказала, то ли хотела сказать я.

Он наклонился, приблизив ухо к моим губам, и я с трудом продолжила.

— Ты мастер на все руки, так?

— Ага, — Уорик сам съел одну ложку, пробормотав. — Малясь пересолил.

— У меня есть одна просьба.

— Понимаю.

— Оставьте меня у себя еще на три года.

Уорик поставил тарелку рядом с подушкой. Наверное. Я не могла видеть, что именно он делает.

«Три года», — протянул он с обстоятельностью человека, который тщательно проверяет античную вазу на наличие мелких трещинок.

Мое зрение ухудшилось, все вокруг становилось расплывчатым как в тумане, и я не могла отчетливо видеть его лицо. Насколько помню, один драматург перед смертью все повторял: «Mehr Licht!»[1] — считается, что это были одни из последних слов Иоганна Гете перед смертью.. Как же я понимаю его чувства.

Но я готова поклясться, что Уорик улыбался своей привычной улыбкой.

— Это будет недешевое удовольствие.

— Во внутреннем кармане моего пальто.. — здесь я была вынуждена остановиться, чтобы глотнуть воздуха, — там ожерелье...

Оно не могло быть особо дорогим. Оно не красиво отделано, никаких драгоценных камней, ничего такого. Я хранила его как подарок и не знала настоящую цену, но догадывалась, что много за него не дадут. Я была завернута в пальто поверх одеяла — я сама попросила Уорика об этом.

Он выудил из кармана серебряное ожерелье, чей кулончик был выполнен в форме крыла[2]. Все это время я видела лишь неясный силуэт.

Он был из тех, кто может понять ценность — или ее отсутствие — этого украшения, но все же сказал: «Неплохо. Хорошо, мы выполним твою просьбу».

Удовлетворенная ответом, я закрыла глаза, уже зная, что больше никогда их не открою.

Что-то коснулось моей головы.

«Его рука» — догадалась я, хотя больше не могла почувствовать ни тепла ее, ни запаха. Мои волосы, которые он гладил, должно быть, давно потускнели. Так тяжело думать об этом.

С закрытыми глазами я бредила, будто во сне: «Когда меня будут кремировать, не снимайте с меня одежду. Не хочу, чтобы кто-нибудь увидел такое изуродованное тело».

Уорик не ответил.

А может только думала, что бредила, а на самом деле голос давно изменил мне. Не знаю отчего, но я была уверена, что каким-то странным образом мои слова достигли его, и он их услышал.

— На сегодня тебе нужно отдохнуть, София, — Уорик перешел на тихий шепот, словно баюкал маленького ребенка.

Да.

Спокойной ночи. И спасибо тебе.

На этот раз я точно уверена, что слова были беззвучны. Я попыталась улыбнуться. Получилось ли?

Так закончились отпущенные мне две недели и один день.

<http://tl.rulate.ru/book/90595/2911283>